

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Сессия, посвященная проблеме этногенеза осетин, была организована Северо-Осетинским и Юго-Осетинским научно-исследовательскими институтами и проходила с 6 по 9 октября 1966 г. в г. Орджоникидзе. В ее работе участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Ростова, Ставрополя, Одессы, Кишинева и других городов, ученые Грузии, Абхазии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. На сессии присутствовали партийные и советские руководители Северо-Осетинской АССР во главе с первым секретарем обкома КПСС Б. Е. Кабалоевым, а также представители общественности г. Орджоникидзе.

Сессию открыл известный лингвист В. И. Абаев (Москва). Он отметил, что вопросами происхождения народов ученые занимались и до Великой Октябрьской социалистической революции, о чем свидетельствует значительная литература по этногенетическим проблемам. Однако особенно возрос интерес к этим проблемам в советское время, главным образом в послевоенный период. Уже работали сессии по этногенезу татар, марийцев, мордвы, киргизов, карачаево-балкарцев и др. Характерной для этих сессий была, по мнению В. И. Абаева попытка решить проблему этногенеза комплексно, с участием специалистов смежных дисциплин, а также многочисленных местных исследователей. Трудности, возникающие при разработке проблем этногенеза, «проистекают из того, что общая теория методологии исследований пока не разработана... поиски ведутся наощупь. Эта проблема,— отметил он,— сложная, комплексная, подлежащая ведению не одной, а многих наук: истории, этнографии, языкознания, антропологии. Здесь никакого определенного рецепта не может быть, каждый народ требует своего индивидуального подхода».

Главным вопросом, обсуждавшимся на сессии, был вопрос о роли основных компонентов — местного и иранского — в этногенезе осетин.

С докладом «Этногенез осетин по данным языка» выступил В. И. Абаев. Он изложил свои соображения о происхождении осетин, высказанные им ранее в ряде публикаций¹. Иранская основа осетинского языка, неопровержимо доказанная в работах еще дореволюционных исследователей-лингвистов, позволила, по его мнению, «установить генетическую связь осетин с ираноязычными племенами, населявшими в прошлом юг России и известными под названием скифов, сарматов, алан, роксолан и др.» Проведенное в советское время дальнейшее углубленное изучение «лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса осетинского языка выявило в нем глубокие отклонения из кавказских языков, которые не могут рассматриваться как внешнее заимствование». Данные языка,— заявил он,— свидетельствуют о большом участии кавказского субстрата в формировании осетинского народа.

Доклад Е. И. Крупнова (Москва) посвящен «Проблеме происхождения осетин по археологическим данным». Е. И. Крупнов говорил о большой роли в этногенезе осетин местного кавказского субстрата, прослеживаемого им по памятникам кобанской и скифо-сармато-аланской культур. «Материальная и даже духовная культура осетинского народа,— отмечал он,— своими корнями уходит в глубь веков и, прежде всего, в недра богатой и своеобразной кобанской культуры I-го тысячелетия до нашей эры» и «ее формирование происходило в основном на местной кавказской почве».

Не отрицая роли иранского компонента в этногенезе осетин, Е. И. Крупнов подчеркнул «доминантное значение местной кавказской среды».

В докладе В. А. Кузнецова (г. Орджоникидзе) «Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии» рассматривалась территория расселения основных племен осетинского народа — иронцев и дигорцев и их генетические связи с сарматскими племенами — аорсами и сираками, причем, по мнению автора, современные осетины-иронцы происходят от аорсов, а осетины-дигорцы от сираков, «осевших в Предкавказье задолго до аорсов». Признавая значение кавказского субстрата в этногенезе осетин, автор в то же время отмечает «огромную роль, которую

¹ См., например: В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, М., 1949; его же, *Скифо-европейские изоглоссы*, М., 1960, и др.

сыграли в этом процессе сармато-аланские племена», переселившиеся с севера в течение ряда веков.

Один из тезисов доклада Ю. С. Гаглюева (г. Цхинвали) «Этногенез осетин по данным письменных источников» сводился к тому, что происхождение осетин «это прежде всего результат длительного внутреннего развития скифо-сарматских племен Северного Кавказа, так как именно они явились здесь распространителями иранской речи». Наряду с этим докладчик признал и участие кавказского субстрата в этногенезе осетин, оставившего «свой след не только в языке, но и в фольклоре, этнографии, физическом облике осетин». Главным в этногенезе осетин автор считает все же иранский, скифо-сармато-аланский компонент.

В докладе Б. А. Калоева (Москва) «Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин» подчеркивалось, что в материальной и духовной культуре осетин в их верованиях, обычаях, нравах и т. д. в одинаковой мере проявляются черты древнекавказского и иранского (скифо-сармато-аланского) компонентов. Основной вывод доклада сводится к следующему: древнейший этнический пласт осетинского народа составили местные кавказские элементы; «следующим слоем были ираноязычные племена (скифы, сарматы, аланы), принявшие активное участие в формировании осетинской народности и отчасти ряда соседних народов».

Доклад М. Г. Абдушелишвили (г. Тбилиси) был посвящен «Генезису горнокавказских групп в свете данных антропологии». По мнению докладчика, племена, проживавшие в высокогорных районах Главного Кавказского хребта, характеризуются наибольшим числом черт, отличающих их от других кавказских групп. Этот антропологический тип получил наименование кавкасионского и «сложился на основании местных антропологических типов, претерпевших существенные изменения вследствие закономерных процессов эпохальной трансформации южноевропеоидных антропологических типов, усиленных факторами изоляции в отличающейся от прочих высокогорной географической среде».

В. П. Алексеев (Москва) в докладе «Антропологические данные к происхождению осетинского народа» отметил, что повторное исследование всех старых и ряда новых коллекций по осетинам, дало ему возможность убедиться в «своеобразии кавкасионского типа». При этом, по мнению докладчика, наиболее четко особенности этого типа «выражены у южных осетин-гуалцев». Вопреки точке зрения других антропологов (Г. Ф. Дебед, Н. Н. Миклашевская) он отрицает участие восточно-европейских элементов с территории Северной русской равнины в формировании кавкасионского типа. В докладе подчеркивается необходимость изучения палеоантропологических данных из центральной части Северного Кавказа не только средневекового периода, по которому в настоящее время накопился большой материал, но и более отдаленных эпох.

Материалы основных докладов были дополнены многочисленными сообщениями ученых. Вопросам кавказской антропологии были посвящены два сообщения З. Н. Джавахишвили (г. Тбилиси) «Материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа» и Л. Пшарашидзе (г. Тбилиси) «Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чеченского народов». В первом была дана характеристика серии черепов из с. Сиони Теанетского района, относящихся к разным периодам (VII—X, XII—XIII, XVII—XVIII вв.), и указывающих, по мнению автора, на существование современного кавкасионского типа уже в X—XIII вв. Во втором — отмечалось антропологическое сходство и различия между чечено-ингушскими народами и осетинами. Интересные сведения содержались в сообщении Ш. Д. Инал-Ипа (г. Сухуми) «К абхазо-осетинским этно-культурным связям». Он доказывал большое сходство в материальной и духовной культуре, в верованиях, обычаях, нравах и т. д. абхазов и осетин, и объяснил это сходство близким соседством алан и абхазов в период до монгольского завоевания. О близких этнографических параллелях чечено-ингушей и осетин говорил И. Саидов (г. Грозный). Интересные фольклорные и письменные данные о происхождении осетин приводились и в сообщениях А. Х. Бязрова (г. Цхинвали) и Г. Д. Тогошвили (г. Тбилиси). А. Дз. Цагаева (г. Орджоникидзе) в своем сообщении характеризовала языковое многообразие северо-осетинской топонимики, что позволило использовать ее как источник для этногенеза осетин. О важности более глубокого изучения кавказского субстрата в осетинском языке говорил К. Е. Гагкаев (Одесса). По его мнению, исследователи пока не располагают достаточными данными об этом субстрате. В зачитанном на сессии сообщении У. Б. Алиева, Ш. Х. Акбаева, М. А. Хабичева и др. (Карачаево-Балкария) «О тюркском элементе в этногенезе осетин» утверждалось, что некоторая часть алан, ставшая преками современных балкарцев и карачаевцев, являлась якобы тюркоязычной. В докладательство этого ими расшифровывался при помощи тюркского языка ряд известных алано-осетинских топонимических названий, а также Зеленчукская надпись. Значительное число сообщений было представлено археологами: В. Б. Виноградовы (г. Грозный), Л. Н. Нечаевой (г. Ленинград), Л. Н. Соловьевым (г. Сухуми), Б. Г. Котовичем (г. Махачкала). В них говорилось о роли двух компонентов — кавказского и иранского в этногенезе осетин. В. Б. Виноградов, например, гов

рил об оседании в равнинной и, частично, в горной полосе центральной части Северного Кавказа скифо-сарматов в период колонизации ими этого края, Л. Г. Нечаева отметила генетические связи северо-кавказских склепов с аланскими катакомбами, что является новой и, на наш взгляд, интересной точкой зрения. К такому выводу автор пришел после обстоятельного изучения этих памятников в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и частично в Чечено-Ингушетии.

Главным предметом дискуссии был по существу один вопрос: какому из двух компонентов — кавказскому или иранскому — принадлежит доминирующая роль в этногенезе осетин. Прения открылись выступлением Г. Ф. Турчанинова (г. Ленинград). Он подверг критике выступление карачаевских лингвистов, пытавшихся известную Зеленчукскую надпись на осетинском языке прочесть как тюркскую. Т. Ф. Турчанинов призвал изучать ономастику и диалекты осетинского языка, что поможет в разработке проблемы этногенеза осетин. В своем выступлении С. Ш. Габараев (г. Цхинвали) отметил, что некоторые антропологи преувеличивают значение своей науки в определении этноса, в частности, в выяснении этногенеза осетин. Признавая, что осетинский народ образовался путем слияния абorigенов с пришлыми ираноязычными племенами и последние в силу своего численного превосходства ассимилировали первых, С. Ш. Габараев совершенно правильно указал, что победа эта явилась результатом превосходства скифов, сарматов и алан над местными кавказскими племенами во всех отношениях. Наряду с этим он придает большое значение кавказскому субстрату в этногенезе осетин.

Н. Х. Кулаев (г. Орджоникидзе) отметил как большое достижение в работе сессии то обстоятельство, что всеми выступавшими признается участие в этногенезе осетин двух компонентов — древнекавказского и иранского. Спор идет, по его мнению, по частному вопросу — какому из этих компонентов отдать предпочтение. Он отметил также, что, хотя кавказский субстрат пока слабо изучен, наличие его в осетинском языке блестяще подтверждается трудами В. И. Абаева. О важной роли иранского компонента в процессе формирования осетинского народа говорил М. С. Тотоев (г. Орджоникидзе). Критикуя антропологов М. Г. Абдушелишвили и В. П. Алексеева, он отметил, что ими не учитываются миграции племен и народов. Е. П. Алексеева (г. Черкесск) назвала главным в этногенезе осетин кавказский компонент, отмечая в то же время большое значение и иранского компонента. Возражая лингвистам Карачая, она отметила, что нет никаких данных, подтверждающих наличие тюркоязычных алан. По ее мнению, скифские поселения охватывали лишь Среднюю Кубань и современную Чечено-Ингушетию. Т. Л. Гуриев (г. Орджоникидзе), касаясь в своем выступлении истории развития диалектов осетинского языка, отметил, что субстратом этого языка «был какой-то местный, кавказский иранский язык». Им правильно определяется время становления осетинской народности — XIII в. (до монгольских завоеваний). Д. Атаев (г. Махачкала) отметил, что во всех выступлениях кавказский субстрат носит якобы «декларативный характер», не признается главным фактором в этногенезе осетин. З. Л. Анчабадзе (г. Тбилиси) утверждал, что «осетинский народ является типичным кавказским народом» и входит в кавказскую историко-этническую общность, от которой нельзя его оторвать. А. И. Робакидзе (г. Тбилиси) дал высокую оценку приведенным в докладах материалам, которые, по его словам, показывают большое значение кавказской местной среды в формировании осетинского народа. Он отметил также некоторые общие черты материальной культуры народов горного Кавказа, в том числе осетин, подчеркнув, что наряду с этими общими чертами в культуре осетин имеются свои специфические особенности. И. М. Чеченов (Нальчик) посвятил выступление аланской проблеме. В. К. Гарданов (г. Москва) высказал мнение, что нет никаких особых противоречий в основных положениях докладов В. И. Абаева и Е. И. Крупнова, на которые часто ссылались выступающие для определения своих позиций в этом вопросе. Все выступавшие признают, что осетины образовались в результате взаимодействия кавказского элемента со скифо-сарматскими и аланскими элементами. По его мнению, язык не является единственным и решающим фактором при решении проблемы этногенеза, что для этого должны быть привлечены также данные смежных дисциплин, прежде всего, археологии, антропологии и этнографии. В. Н. Гамрекели (Тбилиси) говорил о необходимости правильно использовать при разработке вопроса о происхождении осетин данные древних авторов.

Затем вновь выступили докладчики. В. П. Алексеев, отвечая на критические замечания, сделанные в его адрес, сказал, что данные антропологии не выделяют среди осетин племенные группы (дигорцев, иранцев и туалыцев), а наоборот, объединяют их.

М. Г. Абдушелишвили также отметил, что осетины в антропологическом отношении представляют собой единый, входящий в кавкасионский, тип.

Б. А. Калоев заявил, что этнографические данные для определения этногенеза народа должны быть увязаны с данными смежных дисциплин, прежде всего языкознания, к чему он и стремился в своем докладе.

Ю. С. Гаглов, полемизируя с выступающими по его докладу, обосновывал положение о наличии в прошлом скифов на всей территории осетин. Он указал также на тождество сарматского племени аосов и алан. Е. И. Крупнов вновь аргументировал свой вывод о большой роли кавказского субстрата в этногенезе осетин, причем подчеркнул, что никогда не говорил о массовом оседании скифов в VII—VI вв. до н. э. на Северном Кавказе и особенно в его горной полосе.

В. И. Абаев, подводя итоги сессии, отметил, что работа ее прошла успешно. Сессия способствовала сближению точек зрения этнографов, лингвистов, антропологов, археологов по проблеме происхождения осетин. Учеными доказано, что в формировании осетинского народа участвовали кавказские элементы, явившиеся субстратом, и сармато-аланские, которые определили не только язык, но и многие черты материальной и духовной культуры. По мнению Абаева, не научно ставить вопрос о степени участия кавказского или иранского элементов в формировании осетин. «Нет таких весов,— сказал он,— на которых можно было бы взвесить долю участия этих компонентов». Поэтому разногласия, которые были по данному вопросу, он не считает принципиальными.

В. И. Абаев остановился также на докладах антропологов. По его мнению, привлекательный ими материал «не отразил бесспорных передвижений племен и народов, происшедших на Северном Кавказе, начиная от древнейших времен до монгольского нашествия». Антропологам,— сказал он,— следовало бы использовать большой антропологический материал по Осетии, опубликованный дореволюционными и советскими исследователями. Он отметил, что такие крупные ученые, как В. В. Бунак и Г. Ф. Дебец, постоянно используют работы дореволюционных антропологов.

Закрывая сессию, В. И. Абаев выразил глубокое сожаление, что на ней из-за болезни не мог присутствовать крупнейший осетиновед Г. С. Ахваледиани. От имени оргкомитета сессии он поблагодарил всех, кто принял активное участие в ее работе и проявил к ней живой интерес.

Сессия приняла резолюцию, подводящую итоги проведенной работы и содержащую рекомендации издать материалы сессии, а также продолжать дальнейшее исследование рассматриваемой проблемы.

Б. А. Калоев
